

Глава 3. Общий контекст: Владимирская область в сетях глобализации²⁸

Как уже отмечалось, рассмотрение социально-политических процессов, влияющих на электоральный выбор граждан, невозможно ограничить только внутренними характеристиками региона. Несмотря на то обстоятельство, что любой регион Российской Федерации не является субъектом самостоятельной внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, тем не менее процессы глобализации в совокупности с новой генерацией глобальных вызовов²⁹ оказывают комплексное и противоречивое воздействие на каждый регион России. И именно поэтому Российское государство, федеративное по своей сущности, не может дать однородный и единовременный ответ на все вызовы глобализации.

Пути, механизмы да и сама необходимость включения в мировую экономико-политическую систему представляются вопросом весьма дискуссионным и спорным, особенно в период мирового экономического кризиса, когда то тут, то там раздаются голоса и генерируются идеи о конце глобализации и о том, что глобализация кардинально меняет свою сущность. Рассмотрение судьбы глобализационного проекта конца XX века, к сожалению, не входит в задачу книги, тем не менее отметим, что сегодня как никогда ясно, что в основе происходящих в мире изменений лежат не только экономические и, шире, материальные причины. Несмотря на то что основой развития любого государства справедливо считается экономика, поиск ответа на поставленный выше вопрос требует адекватных представлений не только о собственно экономической структуре мира, но и обо всей совокупности социальных и, что особенно важно для целей данной книги, политических связей между ключевыми субъектами развития, включая и политико-электоральные представления граждан.

Предварительно кратко следует сказать об основных представлениях о процессе глобализации. Обобщенно говоря, на сегодняшний день существуют три базовые модели глобализации. Согласно первой из них, глобальная экономика есть своего рода равномерно распределенная по

²⁸ При написании данного раздела использованы материалы результатов международного научного проекта «Российские ворота в глобальный мир» (руководитель - проф. Сергеев С.М.), одним из участников которого был автор этой книги. Частично материалы проекта были опубликованы в журнале «Полис», 2007, № 2.

²⁹ Более подробно об этом см. Евстифеев Р.В. Россия на пути к эффективному государству: траектория политического развития в контексте новой генерации глобальных вызовов. Владимир, 2008.

планете сеть экономических и политических взаимосвязей, обеспечивающих всем участникам мирового экономического процесса «равные возможности» и (в идеале) устойчивое развитие. К числу сторонников данной модели относятся, как правило, ученые и публицисты, придерживающиеся монетаристского взгляда на мировую экономику (М. Фридман и др.).

Вторая модель, видящая в глобализации новый механизм господства «золотого миллиарда» над большинством населения планеты, в теоретическом плане тесно связана с концепцией мир-экономики И. Валлерстайна. Такая трактовка характерна прежде всего для национально ориентированных интеллектуальных и политических кругов стран, не входящих в ОЭСР (А. Зиновьев, У. Чавес и др.), а также для левой интеллигенции стран ОЭСР.

В рамках третьей модели, основанной на активно развивающейся в последние два десятилетия теории социальных сетей, мировая экономика рассматривается как многоуровневая система, верхний уровень которой составляет сеть так называемых «ворот в глобальный мир» - компактных территорий мегаполисов, соединяющих в себе функции транспортных узлов, финансовых центров, а также центров образования, науки и политического влияния³⁰. Эти «ворота в глобальный мир» обеспечивают доступ к глобальной экономике обширным территориям, входящим в сферу их экономического и политического притяжения («хору»). Следует отметить, что далеко у не каждой страны есть такие «ворота», а следовательно, «хора» может охватывать территорию не одного, а нескольких государств, часть которых может, в свою очередь, обладать, так сказать, региональными «воротами» («воротами» второго порядка). Наряду с этими «адекватно глобализованными» территориями существуют и территории «дальней периферии», не получающие от глобальной экономики никаких преимуществ, но несущие, наряду со всеми остальными, бремя ее поддержания (что дает определенные основания для теории «золотого миллиарда»). Наличие у государства собственных «ворот в глобальный мир» позволяет национальным политическим, экономическим, научно-образовательным и культурным элитам войти в узкий клуб лиц, участвующих в принятии ключевых решений на глобальном уровне в каждой из этих сфер.

Последняя из указанных моделей глобальной экономики представляется наиболее адекватной существующей реальности в силу нескольких соображений.

Во-первых, крайне неравномерное распределение по поверхности нашей планеты экономической активности - неоспоримый эмпирический

³⁰ Ворота в глобальную экономику /Андерссон О., Андерссон Д. - М., 2001.

факт. Даже в самых развитых странах имеются громадные территории, практически никак не включенные в глобализационный процесс (например, северная часть Швеции или обширные земельные районы южной Италии, Испании и США); более того, в результате коллапса ряда отраслей трансформационной экономики многие промышленные районы таких стран «деглобализируются» (достаточно посмотреть на Шеффилд, бывший в начале XX века крупнейшим мировым центром сталелитейной индустрии и одним из самых благополучных городов Европы, или на Детройт - некогда столицу мирового автомобилестроения).

Во-вторых, территории с высоким уровнем экономической активности все более интенсивно взаимодействуют поверх национальных границ, особенно в сфере финансов и экономики знаний, чему немало способствует развитие компьютерных технологий и технологий связи, также весьма неравномерное в географическом плане.

В-третьих, при сравнении территорий с аномально высоким уровнем экономической активности сразу же бросается в глаза, что профиль этой активности во всех случаях определяют транзакционная экономика (предоставление различного рода высокоспециализированных финансовых и менеджерских услуг), экономика знаний (деятельность в области образования, науки и исследовательских разработок), а также транспортная инфраструктура и инфраструктура связи, обеспечивающие быструю передачу больших потоков информации и высокую способность к медиации человеческих контактов (вокзалы, аэропорты, гостиницы, конференц-залы и т.д.). Кроме того, именно на этих территориях сосредоточено производство смыслов и образцов текстов (в семиотическом смысле), тиражирующихся в глобальном масштабе (центры кинопромышленности, информационные агентства, редакции глобальных телекомпаний, высокая мода, издательская индустрия, глобальная реклама и глобальный пиар, шоу-бизнес).

Модель «глобальных ворот» открывает важные инструментальные возможности для понимания того, каким образом экономические системы регионов, национальные экономики интегрируются в глобальную экономическую систему³¹. Она не только позволяет оценить актуальное положение дел в этой сфере, но и создает основу для обсуждения стратегии стран и регионов, чья интеграция в глобальную экономическую систему еще не завершена, в т.ч. и столь громадных по своей территории, ресурсам и населению, как Россия, Индия, Китай и Бразилия.

³¹ Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Нечаев В.Д., Алексеенкова Е.С. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей // Полис, 1997, №2.

По своему устройству глобальная экономика очень напоминает позднесредневековую европейскую городскую сеть³² и сама является сетью мегаполисов - «ворот в глобальный мир», в которых, как в ганзейских и североитальянских городах Средневековья, сосредоточены и богатство, и власть, и инновации. На наш взгляд, это связано с тем, что по мере роста транзакционной экономики и экономики знаний в узлах транспортной, финансовой, интеллектуально-инновационной инфраструктуры оказывается сконцентрирован важнейший ресурс - доверие. Дело в том, что доверие поддерживается не только и не столько институтами, сколько устойчивыми сетевыми взаимодействиями. Взаимопроникновение и постоянное взаимодействие сетей в узко локализованной зоне приводит к синергетическому эффекту: зона концентрации транзакционной экономики и экономики знаний аккумулирует все больше ресурсов, в значительной мере высасывая их из ближнего, а затем и дальнего окружения.

Ясно, что при этом традиционная трансформационная экономика начинает сокращаться - будучи не в состоянии конкурировать с экономикой доверия, она вытесняется все дальше на периферию. Вместе с тем в таких зонах («воротах») сохраняются и активно развиваются высокие технологии как в собственно технической, так и в гуманитарной сферах.

Нельзя сказать, чтобы в этом было что-то новое: ровно такой же была эволюция городов Северной Италии или Германии на рубеже Нового времени³³. Так, Венеция, перестав производить соль и рыбу, заполонила Европу предметами роскоши и книгами, а в Нюрнберге оказались сосредоточены нити всеевропейской финансовой системы (как известно, Фуггеры ссужали деньгами чуть ли не всех ведущих европейских монархов).

В «воротах в глобальный мир» концентрируются транзакционная экономика и экономика знаний, обслуживающие целые субконтиненты, ибо самих «ворот» очень мало: в Северной Америке - оси Нью-Йорк - Бостон и Сан-Франциско - Лос-Анджелес, Сиэтл/Ванкувер и Майами; в Европе - Лондон, коридор Милан - Венеция, ось Роттердам - Амстердам и Франкфурт; в Азии - ось Токио - Осака, Шанхай, Гонконг и Сингапур. В Австралии и Океании на этот статус может претендовать Сидней, в Латинской Америке (по нашей оценке) - Сан-Паулу. В Африке «ворот» нет вообще.

Если мы хотим понять, какие факторы способствуют формированию «ворот в глобальный мир», нам нужно более детально проанализировать внутреннюю структуру последних. Наметив общие контуры пробле-

³² Spruyt H. *The Sovereign State and its Competitors*. Princeton, 1994.

³³ Бродель Ф. *Игры Обмена*. М., 1988.

мы и дав достаточно подробные технические описания примерно десятка «ворот» - от Нью-Йорка до Сингапура, создатели данной модели (О. и Д. Андерссоны) оставили непроясненными некоторые весьма существенные аспекты, в т.ч. касающиеся условий появления, функционирования и эффективного взаимодействия социальных сетей высокой плотности. Почему такие сети складываются и действуют на очень ограниченной по размеру территории? Что мешает более или менее равномерно «размазать» их по планете (создать «мировую деревню»), вовлекая в глобальную экономику значительные человеческие и экономические ресурсы неосвоенных территорий?

Ключ к ответу на эти вопросы, на наш взгляд, кроется в самой специфике процесса интеграции социальных сетей. Социальные сети интегрируются не только через формальные текстовые коммуникации. Важнейшим компонентом их интеграции выступает образная и неформальная коммуникация, возможности для осуществления которой по существующим каналам связи, в т.ч. основанным на современных компьютерных технологиях, весьма ограничены. Несмотря на все успехи дистанционного обучения, теле- и интернет-конференций и т.п., личные контакты по-прежнему обеспечивают гораздо более высокий уровень доверия между коммуникантами, чем взаимодействие через технические каналы связи. Между тем именно доверие является наиболее значимым фактором создания социальных сетей, особенно если речь идет о социальных сетях с плотной структурой, предполагающих высокий уровень надежности. Институциональное доверие не заменяет доверия трансперсонального, формируемого через устойчиво повторяющиеся личные контакты. Как показывают многочисленные случаи нарушения имперсонального доверия в странах ОЭСР (в частности, банкротство ENRON), широко распространенное представление, будто для эффективного функционирования общества и экономики достаточно имперсонального доверия, которое обеспечивается «верховенством права», есть не более чем иллюзия. Осознание недостаточности институционального анализа для объяснения реальной работы важнейших экономических и политических механизмов и дало толчок исследованиям социальных сетей как необходимой «смазки» институционального механизма.

Едва ли приходится сомневаться в том, что проблема доверия играет ключевую роль в поиске ответа на поставленный еще Д. Нортон вопрос о соотношении формальных и неформальных институтов³⁴. Имен-

³⁴ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

но разработка концепта доверия позволила приблизиться к пониманию способности людей к эффективному взаимодействию. Так, по мнению Д. Гамбетты, доверие как ожидание благоприятного или, по крайней мере, не негативного поведения в условиях, когда это поведение неподконтрольно, позволяет преодолеть неуверенность, обусловленную нехваткой информации о партнере. Доверяя, индивид рискует, но этот риск добровольен и связан с процессом принятия решения³⁵. Проанализировав доверие, П.Штомпка выделил два важных фактора: риск доверия, т.е. вероятность нежелательного поведения, и цену ставки (возможной потери в случае такого поведения). В условиях мегаполиса вследствие интеграции в глобальную экономику, как правило, многонациональную, резко ограничивается возможность апелляции к общим культурным и социальным образцам, риск доверия значительно возрастает, а следовательно - повышается и роль межличностного доверия³⁶. Согласно заключению приверженцев когнитивного подхода, при оценке ситуации экономические акторы анализируют внешние импульсы на основе уже существующих «ментальных карт»³⁷. Иначе говоря, каждый из субъектов экономического взаимодействия руководствуется двумя представлениями о степени риска, которые влияют на принятие решений о том, взаимодействовать или не взаимодействовать.

Поскольку институциональное доверие не снимает риска быть «неправильно понятым», социальные сети «глобальных ворот» выступают своего рода площадкой для выработки общего видения ситуации и формирования общего образа будущего. В обществах же, где имеет место нехватка институционального доверия и нестабильность норм, межличностное доверие определяет саму возможность существования «глобальных ворот». Социальные контакты и индивидуальные сети, основанные на доверии, позволяют индивидам развивать бизнес³⁸, а доверительные отношения и обмен информацией с сетями власти дают гарантии безопасности и стабильности бизнес-сетей.

Для эффективного взаимодействия в зоне «ворот» необходимы единые, эффективные и понятные для всех правила игры. Но в условиях становления рынка закон чаще всего не действует, и экономические акторы игнорируют создаваемые сетями власти правила игры (если, конечно,

³⁵ Gambetta D. Can We Trust Trust? // Gambetta D. (ed.) Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. N.Y., Oxford, 1988.

³⁶ Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge, 1999.

³⁷ Schwenk C.R. The Cognitive Perspective on Strategic Decision Making // Journal of Management Studies, 1988, №25(1).

³⁸ Fukuyama F. Trust: The Social virtues and the Creation of Prosperity. L., 1995.

те не опираются на операциональный опыт этих акторов), воспринимая их как структурное насилие. Ситуация усугубляется тем, что в обществах с переходной экономикой остро стоит проблема неадекватной интерпретации, порождаемая расхождениями в восприятии ситуации разными социальными сетями. А это уже проблема когнитивных конструкций, сквозь призму которых идет восприятие реальности. Как известно, в институционализированных экономиках взаимодействие экономических акторов значительно облегчает наличие знания о стабильно функционирующих институтах, которые могут быть привлечены в качестве «третьей стороны». Однако зона «ворот» - это место соприкосновения множества национальных экономик, и действующие там акторы оказываются в двойном институциональном поле, будучи вынуждены подчиняться не только нормам, установленным на территории «ворот», но и правилам собственной «метрополии». Кроме того, поскольку скорость экономических, социально-политических и интеллектуальных трансформаций в зоне «ворот» обычно очень велика, институты зачастую просто не успевают закреплять выработанные в результате сетевого взаимодействия неформальные практики, тормозя дальнейшее развитие инноваций, новых форм взаимодействия и т.д.

Приведенные аргументы позволяют утверждать, что межличностное доверие выступает решающим условием эффективного взаимодействия социальных сетей. Но необходимость систематических личных контактов в сочетании с ограниченностью временного ресурса, в свою очередь, делает практически неизбежной концентрацию социальных сетей на очень небольших пространствах. Социальные сети фактически функционируют как клубы, где интерперсональные контакты принимают форму не парных взаимодействий, но общего фонового взаимодействия. Существование подобных «клубов», естественно, требует регулярного пребывания их членов на некой общей территории, где имеются условия для осуществления успешных взаимодействий.

Иначе говоря, профиль профессиональной активности в зоне «ворот» связан с самой ролью этой зоны как узла текущих согласований повседневных решений в рамках глобальной экономики. Именно отсюда и вытекает набор функций, которые должна поддерживать экономическая структура «глобальных ворот». Транспортная инфраструктура и индустрия гостеприимства создают условия для приезда и комфортного проживания участников глобальных «клубов». Образовательные учреждения и высокостатусные инновационные и исследовательские сообщества обеспечивают необходимый уровень экспертизы. Развитая банковская сфера облегчает принятие финансовых решений, имеющих ключевое

значение как для повседневной экономической деятельности, так и для инновационно-инвестиционной активности. То есть мы видим, что с экономической и социальной точек зрения профиль «ворот» определяется потребностью в минимизации транзакционных издержек, как финансовых, так и временных.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что территория, претендующая на роль «ворот в глобальный мир», должна удовлетворять следующим условиям: (а) она должна быть крупным транспортным узлом глобального или макрорегионального уровня; (б) на ней должны концентрироваться существенные по мировым масштабам финансовые ресурсы; (в) она должна быть оснащена адекватной инфраструктурой связи, выступая, как минимум, одним из региональных узлов мировой коммуникационной инфраструктуры; (г) на ней должны быть обеспечены условия для деятельности и воспроизводства квалифицированного экспертного сообщества (наличие научно-образовательных и научно-информационных центров мирового уровня, библиотек и т.п.); (д) на ней должны быть адекватно представлены индустрии комфорта и высоких технологий, в т.ч. гуманитарных: она должна быть макрорегиональным или глобальным центром искусства, высокой моды и шоу-бизнеса, а также обладать качественной и доступной рекреационной инфраструктурой; (е) она должна иметь относительно развитую индустрию гостеприимства.

Таким образом, «ворота в глобальный мир» представляют собой естественную и комфортную среду для функционирования социальных сетей в политической и экономической сферах. Эта среда обладает собственной динамикой развития. Производя не только экономический, но и политический продукт, «ворота в глобальный мир», по крайней мере, в странах с развитой демократией парадоксальным образом мало нуждаются во взаимодействии с формальными политическими институтами. Эта особенность хорошо прослеживается на примере таких стран, как Соединенные Штаты, Канада и Австралия, где глобальные и региональные «ворота» (Нью-Йорк, Сан-Франциско - Лос-Анджелес, Монреаль, Сидней) не совпадают со столичными городами (Вашингтон, Оттава, Канберра). В странах с «традиционными» экономическими центрами, сложившимися еще до оформления зрелых демократических систем, а также в новых индустриальных странах, где формирование демократических институтов шло вслед за экономическим развитием или еще не завершилось, «воротами в глобальный мир» (глобального или регионального уровня) обычно выступают столичные мегаполисы. Этот факт наводит на весьма серьезные размышления.

Формальная институционализация демократических институтов нередко приводит к сознательному географическому дистанцированию

политических институтов от мест сгущения экономических социальных сетей. Любопытно, что в средневековой Европе подобное дистанцирование имело противоположный смысл - экономические центры складывались вдали от центров политической власти и в борьбе с ними. Чтобы разобраться в истоках такой ситуации и тем самым приблизиться к пониманию влияния демократии на соотношение пространственной локализации политических, экономических и интеллектуальных центров, целесообразно провести несколько концептуальных границ.

Попробуем определить власть как механизм легального и легитимного ограничения свободы (физической и ментальной) индивида, насилие - как нелегальное и нелегитимное ограничение свободы индивида, а структурное насилие - как ограничение легальное, но нелегитимное. Очевидно, что, квалифицируя тем или иным образом совершенные по отношению к нему действия, индивид исходит из собственной картины мира, т.е. из некоего набора образов и смыслов. Отсюда следует, что власть является «реальной» только тогда, когда опирается на поддерживающую ее когнитивную структуру, формирующую доверие объекта власти к субъекту таковой, и обеспечивает генерирование и трансляцию образов и смыслов. Это отличает власть от структурного и прямого насилия, которые не опираются непосредственно на когнитивные конструкции и не подкреплены доверием объекта воздействия к субъекту оног³⁹.

Приведенные выше рассуждения имеют прямой выход на проблему соотношения пространственной локализации политического, экономического и интеллектуального центров. Представляется, что возможны три базовых типа такого соотношения. К первому типу относятся ситуации, когда экономические и интеллектуальные центры формируются в отдалении от политического. Эмпирический опыт показывает, что, как правило, это происходит при наличии уже сложившейся недемократической (по критериям эпохи модерна) политической системы. Хорошим примером здесь могут служить государства средневековой Европы, политические системы которых были основаны на «реальной власти», опиравшейся, в свою очередь, на сакрализованную церковь монополию на генерирование и трансляцию образов и смыслов. В этих условиях экономические центры неизбежно оказывались объектами структурного насилия: открытость для торгового взаимодействия с окружающим миром влекла за собой размывание интегрирующего сообщества образов и смыслов, превращая эти центры в зоны плюрализма, в рамках которых действия власти

³⁹ Алексеев Е.С. О когнитивной природе власти, или как соотносятся власть и демократия // Политика, 2006/2007, № 4.

лишались когнитивной легитимации. Отсутствие доверия к институтам власти приводило к тому, что главным механизмом интеграции экономических центров становилось формирование доверия внутри партикулярных социальных сетей в результате продолжительного личного взаимодействия. Отсюда стремление как можно дальше дистанцироваться от политических центров. Отсутствие у социальных сетей экономического центра возможности влиять на социальные сети власти делало совмещение экономического центра с политическим нецелесообразным.

Второй тип соотношения пространственной локализации политического, экономического и интеллектуального центров - их географическое совпадение. Судя по всему, данный тип соотношения возникает с переходом к модерну, в эпоху секуляризации и рационализации человеческого сознания, когда демократические институты формируются вслед за экономическим развитием. Рационализация человеческого сознания, приведшая к идейному оформлению плюрализма, негативно отразилась на функционировании «реальной власти»: с превращением индивида в самостоятельного «носителя истины» правитель теряет монополию на генерирование и трансляцию образов и смыслов. По мере утверждения веры в то, что политические структуры могут быть устроены рационально и в соответствии со всеобщей выгодой, социальные сети экономических центров утрачивают заинтересованность в дистанцировании от центров власти. Они активно участвуют в формировании демократических институтов, пытаясь институционально закрепить онтологический плюрализм экономических центров. Приобретение экономическими социальными сетями возможности оказывать влияние на процесс принятия властных решений находит отражение в территориальном совпадении социальных сетей власти и бизнеса.

Третий тип соотношения снова характеризуется дистанцированностью центров политического и экономического влияния. Причины такого поворота, по-видимому, кроются в постепенной институционализации и бюрократизации процесса принятия решений, что затрудняет влияние бизнес-сетей на сети власти. В поздних демократиях, где отношения между этими сетями строятся на институциональном, а не персонализированном доверии, приближенность экономического центра к политическому становится необязательным. Отсутствие «реальной власти», обусловленное институционально закрепленным плюрализмом, ведет к формированию установки на избежание структурного насилия (которое неизбежно сопутствует попыткам политических лидеров транслировать через социальные сети персонифицированную власть, санкционированную демократическими институтами), побуждая экономические сети держаться в

отдалении от властного центра (Нью-Йорк и Сан-Франциско в начале XX в.). В свою очередь, политическая власть, испытывающая давление со стороны бизнес-сетей и/или связанных с ними политических кланов, пытается дистанцироваться от экономических центров (Казахстан).

В современном мире присутствуют все три типа соотношения пространственной локализации политического, экономического и интеллектуального центров. В некоторых авторитарных и полуавторитарных, но высокоинституционализированных режимах (Китай, Вьетнам) мы наблюдаем, по сути, ситуацию первого типа: социальные сети экономических центров, как своеобразные очаги плюрализма, инноваций и производства новых образов и смыслов, пытаются максимально дистанцироваться от властных центров. В то же время для ряда стран с переходной экономикой (в частности, в Центральной и Восточной Европе), где ощущается острый недостаток институционального доверия и экономическая активность во многом зависит от взаимоотношений сетей бизнеса с политической элитой, характерна ситуация скорее второго типа. И в одном, и в другом случае шансы на возникновение «ворот в глобальный мир» резко падают.

Разрешение ключевой проблемы развития современной России - проблемы включения в мировые глобальные процессы в адекватной роли - предполагает исследование всей совокупности социальных и политических связей между основными действующими субъектами мировой политики. При этом продуктивным представляется применение теории социальных сетей, рассматривающей мировую экономику в виде многоуровневой системы, состоящей из так называемых «ворот в глобальных мир»⁴⁰.

Сценарии регионального вхождения в глобальный мир

Рассмотрение широкого контекста, включающего политическое развитие Владимирской области, предполагает, кроме изучения существующих и потенциальных российских «ворот в глобальный мир», исследование проблем социально-экономической и политической эволюции обширных территорий, непосредственно прилегающих к «воротам». Отметим, что сами по себе «ворота» как раз и являются входами и выходами в глобальную экономику для этих территорий, представляющих собой области экономического и политического притяжения («хоры»). Взаимодействие «ворот» и «хоры» в совокупности во многом и определяет траекторию России в развивающемся глобальном мире, а также в наиболее общем виде и траекторию социально-экономического развития конкретного региона.

⁴⁰ Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот»// Полис, 1997, №2.

В связи с этим целесообразным представляется проведение анализа социально-экономической и политической эволюции территорий, образующих ближнюю зону, или «хору», Москвы как разновидности «ворот в глобальный мир». В отличие от проблемы «ворот», которой посвящена пусть и не исчерпывающая, но достаточно содержательная литература⁴¹, в значительной мере связанная с острой и актуальной проблемой планирования именно городского развития, проблема взаимодействия «ворот» и «хоры» исследована мало. Это не означает, что нет большого количества региональных исследований, посвященных внутренним проблемам развития регионов, в том числе и находящихся вблизи мегаполисов. Часть этих исследований проводится с использованием в том числе и сетевого анализа региональных политико-экономических структур.

Даже в работах, где анализируется социальная динамика регионов, непосредственно примыкающих к мегаполисам, эта динамика чрезвычайно редко связывается с влиянием мегаполиса. Еще хуже изучены эффекты возникновения «ворот» на национальной территории, в частности сопряженные с ростом пространственной социально-экономической дифференциации и приобретением самостоятельной транснациональной политико-экономической субъектности элитами «ворот», чьи интересы во многом противоречат интересам населения и элит не только «глубинки», практически не вовлеченной в глобализационный процесс, но и «хоры».

Рассмотрим простейшую логическую сценарную модель эволюции «хоры» «ворот в глобальный мир» и в ее рамках проанализируем социально-экономическую и административно-политическую эволюцию ряда областей российского Нечерноземья первой и второй степени удаленности от Москвы, включая и Владимирскую область.

Как уже отмечалось выше, большинство «ворот в глобальный мир» расположены в ядрах старых промышленных регионов и сами некогда представляли собой крупные промышленные центры. Таковы Лондон, Франкфурт, Милан, Нью-Йорк, Бостон, Токио, Шанхай и Гонконг.

Трансакционная экономика⁴², развитие которой привело к становлению «ворот в глобальный мир», предъявляет совсем другие требования к качеству рабочей силы, нежели трансформационная. Обслуживая экономику знаний, которая, в отличие от трансформационной экономики,

⁴¹ Wallerstein I. The Modern World-System III: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730 - 1840's. San Diego, 1989; Ворота в глобальную экономику / Андерссон О., Андерссон Д. - М., 2001.

⁴² Demsetz H. The Cost of Transacting // Quarterly Journal of Economics, vol. 82., 1968. North D.C. Structure and Change in Economic History. N.Y., 1981; Williamson O.E. The Economic Institutions of Capitalism. N.Y., 1985.

не воспроизводит уже имеющиеся образцы, а создает новые, она нуждается в труде по существу ремесленного характера, во многом уникального и плохо поддающегося регламентации. Такой труд вследствие его уникальности и сверхвысокой квалификации не может не быть высокооплачиваемым, что влечет за собой общее удорожание жизни в окрестностях «ворот», а тем самым - и необходимость повышения оплаты труда более низкой квалификации. Соответственно, правомерно предположить, что в «воротах в глобальный мир» и их непосредственной «хоре» трансформационная экономика должна оказаться неконкурентоспособной.

Посмотрим, что происходит с трансформационной экономикой старых промышленных регионов, окружающих «ворота в глобальный мир», в действительности.

В окрестностях Лондона как «ворот в глобальный мир» сегодня развивается главным образом производство образцов и несерийное производство ремесленного high-end'a. Сходная ситуация наблюдается в «воротах» Нью-Йорк - Бостон: старая промышленность Пенсильвании и Нью-Джерси практически умерла. Аномально высокий уровень развития исследований и разработок, образования, high-hume и рекреации при угасании трансформационной экономики (за исключением высокотехнологичного производства в Силиконовой долине) характерен и для широких калифорнийских «ворот» от Сан-Франциско до Лос-Анджелеса.

В то же время есть немало «ворот» (коридор Милан - Венеция, Франкфурт, Сиэтл), на периферии которых трансформационная экономика сохранилась. Правда, миланская легкая промышленность теперь производит не столько «обычную», сколько эксклюзивную одежду и обувь, а также образцы для мировой индустрии моды. Аналогичную эволюцию переживает и итальянская автомобильная промышленность: если массовый «Фиат» испытывает серьезные трудности, то сочетающие в себе high-hume и high-tech «Ламборджини», «Феррари» и «Мазератти» вполне процветают. Однако в «хоре» Франкfurта производится и вполне массовая - высокотехнологичная - продукция, в т.ч. военного назначения (танки и т.д.), а Сиэтл с окрестностями остается одним из крупнейших мировых центров авиакосмического производства.

Чем же вызвано такое различие в эволюционных траекториях Сиэтла и Франкfurта, с одной стороны, и Лондона и Нью-Йорка - с другой? Представляется, что сохранение высокотехнологичных массовых производств на территориях, непосредственно примыкающих к «воротам в глобальный мир», обусловлено преимущественно политическими причинами. С экономической точки зрения было естественно перенести эти производства ближе к источникам дешевой рабочей силы и сырья. Но выведе-

сти политически чувствительные производства (в первую очередь - ВПК) за пределы национальной территории не может ни одно государство, претендующее на самостоятельную роль в мировой политике, а различия в стоимости рабочей силы в окрестностях «ворот» и других частях страны, как правило, слишком незначительны, чтобы оправдать неизбежные при таком переносе затраты.

Следует также учитывать, что выведение трансформационной экономики за окрестности «глобальных ворот» сопряжено и с серьезными социальными издержками. Экономика знаний формируется буквально у нас на глазах, и доля рабочей силы, не способной найти себе применение в ее рамках, может оказаться настолько велика, что закрытие традиционных производств поставит под угрозу социальный мир в регионе и стране в целом.

Другими словами, относительно низкие темпы вытеснения трансформационной экономики из «хоры» некоторых «ворот» есть результат целенаправленных политических усилий. Это, однако, отнюдь не означает, что в окрестностях «ворот в глобальный мир» трансформационная экономика в принципе обречена. Отрасли, связанные с жизнеобеспечением «глобальных ворот» - строительная индустрия и производство стройматериалов, ряд отраслей химической промышленности (бытовая химия, парфюмерия, косметика), пищевая промышленность, сельское хозяйство и т.п., - продолжают и будут продолжать развиваться. Резкое повышение потребности в комфорте, характерное для «ворот в глобальный мир», способствует бурному росту индустрии гостеприимства и созданию в окрестностях «ворот» обширной рекреационной зоны. Эти трудоемкие виды экономической активности втягивают в «глобальные ворота» и примыкающие к ним регионы огромные потоки среднеквалифицированной рабочей силы из-за пределов не только ближней «хоры», но и национальной территории.

Таким образом, эволюция непосредственной окрестности «глобальных ворот» может проходить по одному из трех сценариев.

1. Пара близко расположенных «ворот» формирует ось, и большая часть регионов этой оси постепенно инкорпорируется в состав «широких ворот» (как это произошло с Силиконовой долиной и Монтерреем, оказавшимися на оси Сан-Франциско - Лос-Анджелес).

2. Регионы, примыкающие к «воротам», превращаются в их сервисную «хору».

3. Частично выполняя функции сервисной «хоры», примыкающие к «воротам» регионы сохраняют значимую трансформационную экономику, как правило связанную с высокотехнологичным гражданским или военным машино- и приборостроением. Для реализации последнего сценария нужна прежде всего политическая воля к сохранению в окрестно-

стях «ворот» трансформационной экономики путем проведения особой промышленной политики. Успех этой политики зависит не только от вложенных финансовых ресурсов, но и от квалификационного потенциала соответствующих регионов и наличия в них инфраструктуры фундаментальных исследований и high-end образования.

Владимирская область и эволюция «хоры» московских «ворот»

В ходе крупного международного научного проекта «Российские ворота в глобальный мир» на основе представленной выше сценарной модели эволюции ближней «хоры глобальных ворот» была проведена попытка определить, по какой траектории развиваются регионы, расположенные вдоль наиболее перспективных осей функционирования Москвы в качестве «ворот в глобальный мир»⁴³, а именно:

- вдоль оси Москва - Берлин - Париж (Калужская и Брянская области);
- вдоль оси Москва - Санкт-Петербург (Тверская и Новгородская области);
- вдоль оси, ведущей в российскую «глубинку» (Владимирская, Ивановская и Нижегородская области).

При анализе тенденций политического и социально-экономического развития выделенных регионов участниками проекта были составлены так называемые «толстые описания» соответствующих областей российского Нечерноземья, причем особое внимание было уделено таким аспектам региональной ситуации, как:

- общие географические и демографические особенности региона, его транспортная инфраструктура и инфраструктура связи;
- организация политической власти в регионе, а также характер взаимодействия между региональными и федеральными властями;
- основные параметры экономического развития региона, его природные ресурсы и перспективы их освоения, присутствие в регионе крупных российских и транснациональных компаний;
- финансовое положение региона, региональный бюджет и степень его зависимости от федерального бюджета, банковская система;
- инновационная система и развитие человеческого капитала (высшие учебные заведения, академические и отраслевые научные институты и направления их деятельности);

⁴³ Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Нечаев В.Д., Алексеенкова Е.С., Казанцев А.А., Дождиков А.В., Евстифеев Р.В., Усманов С.М., Чернышов С.В., Федорова И.М., Хомутова О.Ю., Виногорадова С.А. «Хора» московских «ворот» и сценарии ее развития // Полис, 1997, №2.

- уровень социального благосостояния населения.

На основе собранного материала воссоздавался целостный портрет региона, позволяющий понять траекторию его постсоветского развития.

Поскольку синергетический эффект от взаимодействия различных сетевых структур - сетей политического влияния, финансовых, научных и образовательных сетей - не только играет решающую роль в формировании «ворот в глобальный мир», но и влияет на положение «хоры», мы сочли также необходимым проанализировать взаимодействия между ведущими экономическими акторами и наиболее влиятельными политическими силами в регионе. Весьма важной представлялась нам и оценка перспектив развития в регионе новых секторов экономики, в частности туризма.

Так какие же процессы разворачиваются в регионах, примыкающих к Москве? Сохранились ли там высокотехнологичные производства? Происходит ли вытеснение традиционной экономики? Формируются ли новые сектора экономики, ориентированные на обслуживание Москвы как разновидности «ворот в глобальный мир»? Другими словами, в какой мере траектории развития этих регионов соответствуют описанным выше сценариям эволюции непосредственной «хоры» «глобальных ворот»?

Во всех исследованных регионах в позднесоветский период активно развивались высокотехнологичные производства, как правило, связанные с потребностями ВПК. Так, в Новгородской области, помимо весьма средних по качеству телевизоров «Садко», производились автономные радиобуи, позволявшие осуществлять систематическое спутниковое наблюдение за подводной активностью в Мировом океане; в Тверской - программное обеспечение, а также специальные искусственные волокна для космической и оборонной отраслей, превосходившие по своим характеристикам кевлар и его новейшие аналоги. Калужская область занимала одно из ведущих мест в мире по таким направлениям, как атомная и ядерная физика, энергетическое и авиационное турбиностроение и биотехнологии. Брянская область являлась одним из крупнейших центров транспортного машиностроения. Ивановская область была единственным в странах СЭВ производителем роботизированной техники, не уступавшей лучшим мировым образцам, а Нижегородская позволяла СССР успешно конкурировать с другими мировыми державами в атомной энергетике и производстве ядерного оружия, подводном и надводном судостроении, медицинской технике, радиоэлектронике, специальном автомобилестроении.

Не является исключением и Владимирская область, в которой развивалось производство уникальных стекол и пьезоэлементов, радиоэлектроники, стрелочных переходов и легкого вооружения.

Поскольку подобные производства нуждались в высококвалифицированных кадрах, практически во всех перечисленных регионах сложились собственные образовательные и научно-исследовательские центры. Вместе с тем отметим, что непосредственная близость Владимира к Москве позволяла пополнять свой кадровый потенциал в основном за счет выпускников столичных вузов.

Далеко не всем высокотехнологичным производствам удалось пережить кризис 1990-х годов. Однако как бы то ни было, потенциал ВПК в значительной мере сохранен, что позволяет надеяться на восстановление и наращивание его в гражданских отраслях, в т.ч. за счет конверсии. Преодоление характерной для СССР ориентации на чисто инженерное образование открывает возможность ускоренного развития в этих отраслях high-tech, хотя примеров практического использования этой возможности нами не обнаружено. К сожалению, ученый в России продолжает оставаться «ученым», а не поставщиком рыночных идей. Степень коммерциализации научной инновационной деятельности явно недостаточна. Кроме того, радикальное расширение образовательной инфраструктуры рассматриваемых регионов пока далеко не всегда сопровождается ростом качества предоставляемых образовательных услуг.

Тенденция к вытеснению традиционной экономики отчетливо просматривается лишь в Ивановской и Тверской областях, легкая промышленность которых не выдержала конкуренции с дешевым китайским импортом и разрыва хозяйственных связей советского периода. В Новгородской области речь идет скорее не о вытеснении традиционной экономики, а о смене специализации. Что же касается Владимирской области, то в ней, как и в Брянской, Калужской и Нижегородской областях, сохранилось еще немало эффективно работающих предприятий традиционной экономики, в первую очередь - в транспортном и энергетическом машиностроении.

В регионах, непосредственно примыкающих к столице, формируются новые сектора экономики, ориентированные на обслуживание Москвы как «ворот в глобальный мир», складывается туристско-рекреационная инфраструктура. Однако во Владимирской области развитие этих трудоемких секторов тормозят продолжающаяся депопуляция прилегающих к Москве территорий, а также отсутствие в них системы подготовки соответствующих кадров. Серьезным препятствием на пути реализации рекреационного потенциала ближней «хоры» Москвы является и необычайно низкое качество дорог. Минимальным требованиям, предъявляемым к автомагистралям современного государства, в Центральном федеральном округе отвечают лишь магистрали Москва - Санкт-Петербург, Москва -

Нижний Новгород и Москва - Калуга - Брянск - Киев, в то время как дороги областного и районного значения по-прежнему остаются ниже всякой критики. Еще хуже обстоит дело с дорогами к туристическим достопримечательностям второго плана - многочисленным усадебным комплексам, монастырям и т.д.

С серьезными проблемами сталкивается и другой сектор экономики, ориентированный на обслуживание Москвы, - пищевая промышленность. Глубокий кризис животноводства, для преодоления которого нужны значительные капитальные вложения, не позволяет рассматриваемым регионам удовлетворять растущий спрос москвичей на продукцию этой отрасли, а низкая энергообеспеченность препятствует развитию тепличного и оранжерейного хозяйства.

На темпах роста новых секторов экономики во Владимирской области, как и во всех областях ближней «хоры» Москвы, негативно сказывается общая «недомонетизированность» российской экономики, особенно остро ощущавшаяся в 1990-е годы и вновь ощутимая сегодня, в период финансового кризиса, а также высокая доля природной и приватизационной ренты в доходах российских предприятий, что ставит вновь создаваемые предприятия в неравное положение по сравнению с приватизированными, снижая их инвестиционную привлекательность.

Инвестиционный потенциал регионов непосредственной периферии Москвы остается довольно низким. Это касается и Владимирского региона и связано как с ограниченной пропускной и концентрационной способностью финансовой инфраструктуры самой Москвы, так и с отсутствием содержательной политики регионального развития на протяжении как минимум двух десятилетий. Незнание специфики территорий и нежелание вести инвестиционную деятельность за пределами МКАДа подталкивают держателей ресурсов к неэффективному, «престижному» их потреблению.

В 1990-е годы возможности привлечения инвестиций в регион во многом определялись характером интеграции региональных элит. Пакт элит - с доминирующим актором, что характерно для Владимирской области, - подразумевавший хотя бы минимальную ценностную интеграцию элитных сетей, способствовал ценностной интеграции последних с массовыми сетями, что повышало устойчивость сложившейся конфигурации элит, а тем самым и предсказуемость экономической политики региона. Во многом отсюда в определенное время происходила заметно большая инвестиционная привлекательность Владимирской области, нежели тех регионов, где имел место неустойчивый сговор элит (Нижегородская область) или их перманентный раскол (Калужская и Тверская области).

Другим фактором, влиявшим на объем национальных и зарубежных инвестиций в экономику региона, являлась включенность региональной элиты в федеральные и международные сети, причем от специфики этих сетей зависели и основные направления инвестирования. Так, Новгород, несмотря на значительный приток иностранных инвестиций в пищевую и химическую промышленность, практически полностью утратил свои позиции в сфере высокотехнологичного производства, тогда как в Брянске, Владимире, Калуге оно не только сохранилось, но и активно развивается.

Между Москвой и периферией происходит довольно активный обмен человеческим капиталом. «Московские специалисты», в силу острейшей конкурентной борьбы вынужденные расстаться с занимаемыми ранее должностями, но сохранившие свои связи в столице, востребованы в регионах. К сожалению, помимо опыта и связей, они несут с собой и завышенные запросы и, в отличие от региональной элиты, не склонны даже делать вид, что учитывают интересы местных жителей.

Гораздо большие масштабы имеет, однако, обратный процесс: искусственное сужение свободных рыночных ниш, монополизация, «патронатный» принцип комплектации органов государственной и муниципальной власти, обусловленные стремлением «старой» элиты сохранить свой контроль над территорией, «выталкивают» молодых и инициативных, но не имеющих наработанных связей людей в Москву, где возможности для открытия бизнеса, карьерного роста да и просто «зарабатывания денег» существенно выше. Внутренняя «утечка мозгов», увеличивающая неравенство между центром и периферией, является серьезным препятствием для их эффективного взаимодействия. Качество человеческого «ресурса» в «хоре» Москвы медленно, но неуклонно падает, и со временем этот процесс может приобрести необратимый характер. Уже сегодня во всех рассмотренных нами регионах индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) ниже среднероссийского, а по показателю инновативности средний по России уровень превышен только в Нижегородской области. При этом следует отметить и специфическое для всех близлежащих к Москве регионов явление, которое можно определить не иначе как словом, взятым из, казалось бы, навсегда забытого словаря экономической истории, - отходничество. В современном понимании этот термин означает временный, до 3-4 дней в неделю отъезд работников на заработки в Москву без прерывания трудовых отношений в своем месте проживания. Во Владимирской области масштабы этого явления оценить довольно трудно, однако для некоторых непосредственно примыкающих к Московской области территорий отходничество стало настоящей проблемой.

«Невнятность» поведения Москвы по отношению к «хоре» не мешает ее экономической и политической экспансии в регионы. Одним из механизмов такой экспансии является назначение на пост губернатора представителя московской административно-политической или финансово-экономической элиты. В регионах с промосковски настроенным главой исполнительной власти (Нижний Новгород, Тверь, Иваново) характер и направленность инвестирования определяются не потребностями регионального развития и не федеральной политикой (ввиду отсутствия таковой), но интересами политических и деловых кругов Москвы⁴⁴. Отметим, что во Владимирской области, благодаря сохранившейся с конца XX века преемственности власти, сохраняются определенные барьеры на пути столичной экспансии, со всеми вытекающими отсюда положительными и отрицательными последствиями.

Сетевая динамика московской «хоры»

Образование «ворот (и квазиворот) в глобальный мир» обусловлено действием центробежных сил, стягивающих в единую точку различные социальные сети. Попробуем проследить, каково соотношение центробежных и центростремительных тенденций в московской «хоре», проанализировав совокупность сетевых взаимодействий между Москвой и ее «провинциальным» окружением.

Сети власти и влияния. Одной из отличительных особенностей советского общества являлась чрезвычайно высокая степень централизации и однородности сетей власти, оформленных в виде «номенклатуры». Тем не менее конфигурации политических сетей в различных регионах РСФСР были далеко не идентичными, и сформировавшиеся там после распада СССР политические режимы обладали выраженным своеобразием. В 1990-х годах в условиях общего кризиса центрального управления и ослабления федерального правительства автономия регионов заметно возросла, что привело к расширению полномочий региональных элит, в т.ч. и в экономической сфере.

Вместе с тем в последнее десятилетие XX в. в российских регионах появляется принципиально новый тип политико-экономических акторов - олигархический капитал, практически полностью базирующийся в Москве. Московский капитал сыграл громадную роль и в первичной приватизации крупнейших предприятий регионов, и в дальнейшем перерас-

⁴⁴ Евстифеев Р.В. Российский путь к эффективному государству: новая генерация глобальных вызовов и перспективы регионального развития России // Проблемы государственной политики регионального развития России. М., 2008.

пределении собственности. Укреплению позиций столичного капитала, как частного, так и полугосударственного (или даже полностью государственного, но тесно связанного с частным), способствовал его контроль над «естественными монополиями» и ключевыми энергетическими ресурсами (Газпром, РАО ЕЭС, вертикально интегрированные нефтяные компании, Российские железные дороги и т.д.). Не меньшее значение имела и концентрация в Москве банковского капитала, по сути дела предопределившая проникновение филиальных сетей московских банков в регионы. Наконец, в распоряжении московских олигархических структур находились ведущие общероссийские электронные СМИ (в частности, НТВ и ОРТ), что позволяло им вести «информационные войны» против любых региональных элит.

И все же наиболее существенной с точки зрения усиления влияния московского олигархического капитала в регионах была его тесная связь с федеральными органами и сетями власти (правительством, администрацией и личным окружением президента, законодательными и судебными органами) и, соответственно, возможность лоббировать отвечающие своим интересам решения. Последнее было особенно важно в ситуации, когда подавляющее большинство регионов дотировалось из центра.

Мощь московских олигархических структур была настолько велика, что в 1990-е годы они, по сути, начали формировать состав политических элит многих регионов, поддерживая желательных для себя кандидатов на выборах и лоббируя назначение нужных чиновников. Широко использовался и метод «вербовки» региональных элит путем установления с ними «неформальных контактов», т.е. прямого и косвенного подкупа.

Именно соотношение силы региональных политических и экономических элит, с одной стороны, и крупного московского капитала - с другой, в значительной мере и определяло политико-экономическое своеобразие региона. Уже в середине 1990-х годов регионы четко разделились на три группы, и различия между этими группами сохраняются до сих пор.

1. Полная сдача региональных сетей власти на милость крупного олигархического капитала. Эта судьба постигла прежде всего относительно бедные природными ресурсами регионы, не сумевшие быстро приспособиться к условиям рынка. Среди исследованных нами регионов наиболее типична в этом плане Ивановская область, экономика которой оказалась в глубоком кризисе в связи с упадком преобладающей отрасли (текстильной промышленности). Этот кризис резко ослабил местные сети власти, которые утратили возможность эффективно контролировать регион.

Легкой добычей олигархического капитала становились также регионы, характеризовавшиеся высокой степенью раздробленности сетей власти. Так, Тверскую и Калужскую области к фактической «сдаче» Москве привел не столько экономический кризис, сколько перманентный раскол элит.

Не смогли противостоять натиску московского капитала и некоторые богатые природными ресурсами (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Тюменская область) и хорошо адаптировавшиеся к рынку (Липецкая область) регионы, где в руках столичных групп оказалась сконцентрирована подавляющая часть собственности. В ситуации, когда основными налогоплательщиками выступают предприятия, принадлежащие одной или двум-трем олигархическим структурам, под контроль последних подпадает и административная власть.

Наконец, важным фактором, способным принудить к «сдаче» Москве даже достаточно богатый и имеющий свой крупный бизнес регион, является назначение на пост губернатора выходца из Москвы. Весьма показательна в этом отношении эволюция Нижегородской области после прихода В. Шанцева. Однако федеральный центр назначает «варягов» только в те регионы, где местные сети власти и влияния раздроблены и не в состоянии консолидированно выдвинуть собственного кандидата.

Таким образом, к «сдаче» региона может привести как его бедность, так и богатство, как полная дезинтеграция местных сетей власти, так и их концентрация вокруг крупных предприятий, контролируемых олигархическим капиталом.

II. Более или менее успешное сопротивление региональных элит вторжению крупного капитала извне. Очевидно, что для такого сопротивления необходимы хотя бы минимальные финансово-экономические ресурсы, поэтому в регионах, чьи элиты так или иначе отражали натиск московского капитала, экономический кризис был не настолько глубоким, чтобы угрожать экономике полным крахом. Отличительной чертой данных регионов (и этот фактор особенно важен) была также эффективная консолидация сетей власти и влияния.

Владимирская область как раз может служить примером такого сценария, причем ведущую роль в сетях власти этого региона играли представители КПРФ, а еще точнее - когорты людей, вышедших из «инкубатора» КПСС и ВЛКСМ.

Консолидировать местные сети власти мог также «сильный» региональный лидер, особенно если он обладал влиянием в федеральном центре. К числу губернаторов - харизматических лидеров, либо вовсе не связанных с КПРФ, либо придерживавшихся по ряду вопросов независимой

позиции, относятся, в частности, Д. Аяцков, К. Титов, Н. Кондратенко, Е. Наздратенко и М. Прусак.

Поскольку регионы описанной группы занимают промежуточное место между регионами, «полностью сдавшимися на милость олигархического капитала», и регионами - «неприступными крепостями» (которые будут рассмотрены ниже), степень эффективности их противодействия вторжению московского капитала существенно варьируется. Одни регионы успешно противостояли натиску столичных олигархических групп на протяжении длительного времени (Владимирская область), другие оказывали им лишь эпизодическое сопротивление (Нижегородская и Брянская области).

III. неприступная крепость. К данной группе относятся не только экономически развитые и/или богатые природными ресурсами регионы, но и территории, не представляющие никакого интереса с экономической точки зрения. Как правило, речь идет о национальных республиках, сети власти и влияния которых интегрированы на основе этнических символов общности, противопоставляющих их остальной России. Классическими примерами «неприступных крепостей» являются Татарстан, Башкортостан и Калмыкия. Все эти регионы имеют харизматических лидеров, эффективно контролирующих местные сети власти и влияния (М. Шаймиев, М. Рахимов, К. Илюмжинов), во всех экономической жизни определяют местные политико-административные элиты, практически на равных вводящие переговоры с крупным московским бизнесом.

Как уже говорилось, различия между тремя рассмотренными группами регионов прослеживаются по сей день. Вместе с тем по мере углубления наметившейся на рубеже веков тенденции к усилению федерального центра позиции регионов постепенно ослабевают. Введение института полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах и отказ от выборного принципа комплектования губернаторского корпуса негативно сказались на способности региональных сетей противостоять московскому олигархическому бизнесу, тем более что последний сегодня во многом контролируется федеральной политико-административной элитой.

В результате регионы второй группы, которые в 1990-х годах более или менее успешно сопротивлялись наступлению московского олигархического бизнеса, все больше сливаются с регионами первой группы. Подпадая под контроль сетей власти федерального центра, их элиты утрачивают значительную часть своей независимости. Ослабевает сопротивление центристским тенденциям и в «неприступных крепостях» (хотя вероятность их «полной капитуляции» очень мала). Все вышесказанное

свидетельствует об усилении «квазиворотности» Москвы как центра концентрации сетей власти и влияния, притягивающих к себе экономические сети.

Нарастанию центростремительных тенденций, направленных на Москву, способствуют и филиалы крупных зарубежных компаний, подавляющее большинство которых базируется именно в столице. Возникающие благодаря деятельности этих филиалов сетевые экономические структуры устремлены к Москве. Очевидно, что с повышением степени «глобализированности» российской экономики влияние подобных сетей будет усиливаться.

Экономические сети доверия. Ключевую роль в образовании «глобальных ворот» и «квазиворот» играют экономические сети доверия, концентрирующиеся в одной точке. Анализируя ситуацию в современной России, можно выделить два типа экономических сетей доверия, центростремительно направленных на Москву.

Первый тип сетей связан с описанной выше экспансией московского капитала. Крупнейшие «естественные монополии», вертикально интегрированные нефтяные компании и промышленные холдинги, штаб-квартиры которых обычно расположены в Москве, как правило, имеют региональные подразделения, чьи штаты могут насчитывать несколько десятков тысяч человек. Деятельность таких подразделений создает гигантские сети доверия (кредитные, торговые и др.), тянущиеся к Москве. В данном случае центростремительные тенденции связаны прежде всего с «квазиворотной» функцией Москвы как центра власти и влияния, где экономические сети тесно переплетены с сетями власти.

Вторая разновидность сетей доверия, притягивающихся к Москве, формируется в результате активности мелкого и среднего регионального бизнеса. К появлению подобных сетей ведут уже такие простейшие формы экономической деятельности, как сбор местных ресурсов и товаров для отправки в Москву (сети скупщиков сельскохозяйственной продукции, сети рекрутинговых агентств и других посредников в найме рабочей силы и т.д.).

Москва как складывающийся центр транзакционной экономики и экономики знаний выталкивает из себя в регионы многие функции. Их выполнение начинает обеспечивать мелкий и средний региональный бизнес. В Москве остается все меньше промышленных предприятий, особенно экологически «грязных» или требующих большого количества неквалифицированного труда. Быстрому вытеснению в «хору» промышленных производств и даже складов способствует, в частности, очень высокая стоимость столичной земли.

Вокруг Москвы возникает рекреационная экономика: дачи, туристические маршруты, дома отдыха и т.д. Этот вид деятельности «размазан» по всему Центральному Нечерноземью, точно проявляясь и в других регионах Европейской России, обладающих значимыми рекреационными ресурсами (красивыми ландшафтами, естественными водоемами, целебными источниками, туристическими достопримечательностями и т.д.). Решением федеральных властей из Москвы начинают выноситься те виды рекреационной деятельности, которые вызывают большие социальные издержки (казино и игорные дома).

Потребность Москвы в рабочей силе привела к появлению в Московской области и поясе областей вокруг нее специфической (и по сути дела не имеющей аналогов в мире) экономики «спальных регионов», ежедневно или периодически (2-3 раза в неделю) поставляющих в Москву рабочую силу. Из других, более отдаленных частей России на работу в Москву едут на определенный срок, «вахтовым» методом. Подобная практика - в форме «отходничества» - зародилась еще в XVIII - XIX вв. «Лимитчики» советского времени закрепили эту традицию, а постсоветская эпоха вывела ее на принципиально новый уровень.

Эти и многие другие примеры тяготения экономик соседних регионов к Москве объясняются прежде всего емкостью ее рынков (товаров, услуг, труда и т.д.) и огромными финансовыми ресурсами. В данной своей ипостаси Москва выступает в качестве классических «ворот», чисто экономического центра притяжения экономических сетей. Описанные выше формы сетевой активности в конечном счете выгодны московской экономике, а следовательно - контролирующему ее крупному капиталу, переплетенному с сетями власти, так как они увеличивают конкуренцию на низовом уровне, тем самым способствуя снижению цен на различные виды ресурсов, и во все большей степени обеспечивают мегаполис этими ресурсами.

Информационные сети и сети знаний. Базирующиеся в Москве централизованные информационные сети (телевидение, радио, различные периодические и непериодические издания) играли в России чрезвычайно большую роль еще в советские времена. В период перестройки их влияние еще больше усилилось в связи с резким ростом интереса населения к положению дел в стране. И хотя в 1990-е годы, в условиях отчетливо выраженной тенденции к регионализации, обусловленной стремлением защититься от кризиса на уровне области, края или республики, это влияние заметно ослабло с приходом к власти В.В. Путина московские информационные сети во многом восстановили свои позиции. Доминирующее положение Москвы в информационной сфере пока не смогло поколебать

и развитие Интернета: «погоду» в Рунете сегодня определяют имеющие отношение к Москве сайты и авторы.

В соответствии со сложившейся в советское время традицией Москва продолжает притягивать к себе научные и образовательные сети знания со всей России. В известной степени такая ситуация обусловлена «квасиворотными» характеристиками Москвы как административного центра, распределяющего ресурсы на развитие науки. Однако дело заключается не только в этом.

Огромную роль в науке играет личностный фактор. Учебник, написанный человеком, лично известным московским экспертам как крупный ученый, имеет больше шансов получить гриф Министерства образования, нежели учебное пособие, автор которого им не знаком. То же самое относится и к перспективе получения гранта в научном фонде или публикации в наиболее престижных «центральных» научных журналах.

Данная закономерность определяется не столько спецификой Москвы как «глобальных квасиворот», сколько глубинными характеристиками функционирования сетей знаний. Как показал в свое время М. Полани⁴⁵, важнейшей составляющей «багажа» ученого является так называемое «личностное», или «скрытое», знание, которое образуется лишь в ходе личных сетевых контактов. Это знание нельзя выразить в виде текстов статей или книг, однако от него во многом зависят теоретические и практические навыки ученых. Соотношения, задаваемые «неявным» знанием и деятельностью основанных на нем сетей, формируют эпистемические структуры науки, непосредственно сказываясь и на научном престиже (т.е. позиции в сетях влияния) тех или иных ученых или экспертов.

Возникновение феномена «исследовательских ворот в глобальный мир» прямо связано с потребностью в обмене идеями и личных контактах между учеными. В современной России функции площадки для обмена идеями - причем не только внутри самой страны, но и между ней и миром - выполняет именно Москва. В связи с этим можно прогнозировать, что роль Москвы как российского и глобального центра концентрации сетей знаний будет все больше возрастать.

В целом, проведенный нами анализ свидетельствует о радикальном преобладании в «хоре» Москвы центростремительных тенденций (как «воротного», так и «квасиворотного» характера). Это дает основания для вывода о высокой вероятности дальнейшего роста Москвы как разновидности «глобальных ворот».

⁴⁵ Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М., 1985.

Среднесрочные сценарии эволюции российских «ворот в глобальный мир» и Владимирская область

Прогнозируя дальнейший рост Москвы как разновидности «глобальных ворот», мы исходили исключительно из существующих ныне тенденций. Очевидно, однако, что реальная эволюция московских «ворот», их «хоры» и Владимирской области будет во многом зависеть от политического курса внутри страны, а также от ситуации в мире. Проанализируем просматривающиеся на сегодняшний день сценарии такой эволюции и попробуем оценить вероятность их реализации.

Консервативный сценарий. Допустим, что нынешние тенденции экономического развития России сохранятся, а политические воздействия будут минимальными. В этом случае Санкт-Петербургу в обозримой перспективе не удастся превратиться во вторую «створку» широких российских «ворот». Его подчиненное по отношению к Москве положение (обусловленное в первую очередь слабостью финансовой системы) только усилится. Отсутствие агрессивной промышленной и научно-образовательной политики со стороны федерального центра приведет к дальнейшему упадку отраслей high-tech и научно-образовательного комплекса московских «ворот» и их «хоры». Вследствие относительной ограниченности сконцентрированных в Москве финансовых ресурсов ее отставание от Лондона, Нью-Йорка и Франкфурта по рыночной силе и финансовой мощи станет возрастать. В результате в течение ближайших 15-20 лет под угрозой может оказаться сам статус Москвы как «ворот» первого уровня.

Для Владимирской области это будет означать, что недостаточность финансового ресурса повлечет за собой замедление развития инфраструктуры и новых отраслей экономики региона, и наблюдаемая сегодня в целом позитивная динамика сменится умеренной стагнацией.

Негативный сценарий. Предположим, что федеральный центр взял курс на проведение агрессивной промышленной политики, нацеленной на межрегиональное выравнивание в масштабах страны. В случае если такое выравнивание будет осуществляться за счет изъятия лишь энергетической ренты (в т.ч. и той ее части, которая сегодня обеспечивает ускоренный рост столичной транзакционной экономики), Москва и ее «хора» будут эволюционировать в том же направлении, что и при реализации консервативного сценария, только темпы относительного отставания Москвы как «ворот» окажутся выше, а пребывающие в самом конце списка российских регионов по ИРЧП Ивановская и Тверская области получают существенный стимул для ускоренного развития. Представляет-

ся, однако, что в среднесрочной перспективе (15-20 лет) этот «гандикап» развития будет ими утрачен вследствие общей деградации московского региона как «ворот в глобальный мир».

Если же в пользу трансформационной экономики наиболее отсталых регионов РФ будет изыматься не только энергетическая рента, но и излишки, генерируемые транзакционной экономикой, Москва в обозримые сроки (до 10 лет) утратит статус разновидности «ворот в глобальный мир», что, в свою очередь, приведет к исключению России из клуба стран, определяющих мировую финансовую и экономическую политику.

В любом случае Владимирская область не окажется в числе главных выгодополучателей данного сценария из-за своего в целом срединного положения.

Умеренно позитивный сценарий. Данный сценарий, как и предыдущий, связан с осуществлением агрессивной научно-образовательной и промышленной политики, однако изымаемая энергетическая рента здесь направляется через финансовые институты типа Банка развития или Экспортно-импортного банка на поощрение экспорта продукции высокотехнологичной трансформационной экономики. На прямые государственные вложения в этом случае смогут претендовать только инфраструктурные проекты, сосредоточенные по преимуществу в «воротах» и их окрестностях. Подобный сценарий, способствуя упрочению позиций Москвы как «ворот в глобальный мир» и восстановлению статуса России как передовой индустриальной державы, в краткосрочной перспективе (5-7 лет) обернется ростом территориального неравенства в РФ. Последнее не затронет ни один из исследованных нами регионов, поскольку все они принадлежат к ближней периферии «ворот», в которой начнут быстро развиваться новые отрасли экономики и которая немало приобретет за счет реализации инфраструктурных проектов. В то же время этот сценарий может негативно сказаться на социальной стабильности в регионах Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, что поставит под угрозу само существование «ворот»: высокую политическую нестабильность на национальной территории «ворота», как правило, не переживают.

В связи с этим наиболее вероятным (и плодотворным) представляется некий промежуточный сценарий, в рамках которого поддержка наиболее социально проблемных регионов сочетается с ускоренным развитием «ворот».

Сценарий европейского доминирования России. При построении рассмотренных выше сценариев мы исходили из презумпции неизменности современного миропорядка, в т.ч. и положения Евросоюза. Однако такая ситуация отнюдь не предопределена.

В результате последних расширений Европейского союза новые его члены практически сравнялись со старыми по населению, а тем самым - и по представленности в руководящих органах ЕС. Учитывая громадный разрыв в уровне экономической эффективности и качестве жизни между старыми и новыми членами ЕС, последние будут добиваться радикального расширения политики, направленной на выравнивание регионов. Очевидно, что осуществление подобной политики отразится на развитии Ранштадта и Франкфурта примерно так же, как осуществление политики, описанной во втором сценарии, на развитии Москвы. В этой ситуации реализация в РФ какого-то из вариантов умеренно позитивного сценария может привести к частичной переориентации основных транзакционных потоков из Франкфурта и Ранштадта в Москву, что превратит Россию чуть ли не в доминирующего игрока Европы. Разумеется, это станет возможным лишь при условии интенсивного наращивания мощи российской финансовой и биржевой системы, противодействия выдавливанию из «ворот» high-end образования и фундаментальной науки и, наконец, глубоких институциональных преобразований, способных обеспечить резкое усиление судебной системы, особенно в области хозяйственного и финансового права, обретение арбитражным комитетом ТПП международного статуса, сопоставимого со статусом лондонского, парижского и стокгольмского арбитражных советов, серьезное изменение кодекса корпоративного поведения и т.д. Необходимы также меры по снижению прямого государственного вмешательства в экономику и повышению общественного доверия.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что в конце XX века все описанные регионы столкнулись с высокой степенью неопределенности политической, экономической и институциональной среды, реакцией на которую стали разнонаправленные и практически нескоординированные из центра процессы распада старых, создания новых и частичного восстановления утраченных экономических, политических, социальных сетей. При этом траектории развития регионов отличались между собой во многом из-за позиций и кондиций региональных политических элит. Естественно, сложившиеся в этот период социальные сети, благодаря которым основным политическим и экономическим региональным акторам удавалось с разной долей успешности справляться с высокой степенью неопределенности внешней среды, обладают определенной ценностью для регионов и именно поэтому могут оказывать серьезное сопротивление более или менее централизованным попыткам проведения скоординированной политики целенаправленного развития регионов как сателлитного окружения «ворот в глобальный мир».

В заключении данной главы стоит отметить, что глобальность поднятых проблем тем не менее не делает их невообразимо далекими от реальной жизни Владимирского региона и даже конкретного жителя области. То, какие отрасли экономики будут развиваться опережающими темпами, в какие сферы пойдут финансовые ресурсы, напрямую будет влиять на жизненные стратегии каждого конкретного человека. Не стоит забывать и про то, что это, в свою очередь, будет формировать и запрос на образование, на определенные профессии, что неминуемо приведет к изменениям в структуре образовательных ориентиров населения в целом и в конкретном выборе специальности в частности. Все это следует учитывать не только органам власти, все это будут учитывать и простые граждане, выбирающие свою жизненную траекторию и намечающие траектории развития своих детей и внуков. Что в совокупности приведет, и уже приводит, к массовым изменениям в ожиданиях и интересах населения и, что важно для целей данного исследования, в их электоральных предпочтениях, выражаемых в ходе выборов.